

Кашевара А. Н.

**Судьба мощей преподобного Сергия Радонежского
в контексте «мощейной эпопеи» советской власти**

С конца 1918 г. важное место в религиозной политике советской власти занимала начавшаяся в октябре того же года кампания по вскрытию и конфискации святых мощей, на протяжении десятков и сотен лет хранившихся в православных церквях и монастырях. Осуществленная VIII отделом Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее – НКЮ) в ходе проведения в жизнь декрета советской власти от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», она была одной из наиболее крупных антирелигиозных кампаний за всю историю государственно-церковных отношений советского периода.

Не случайно один из первых ударов, нанесенных советской властью по Русской Православной Церкви, был направлен против священных останков ее святых. Церковью с древнейших времен в равной степени почитались останки святых как в виде костей, так и в виде нетленных мощей. Например, опубликованный в 1903 г. в некоторых газетах отчет с подробным описанием обследованных церковной комиссией останков Серафима Саровского в виде костей не помешал его канонизации. В одном из православных катехизисов на этот счет содержится следующее разъяснение: «Тела некоторых усопших святых сохраняются в сравнительной или даже полной целостности. Но почитаются они отнюдь не за их далеко не всегда бывшую нетленность, а за то, что по причине святости почивших тел их и по смерти являются хранителями Божественной благодати, силою которой подаются верующим дары исцелений и другие духовные дарования»¹. Выдающийся историк Церкви Е.Е. Голубинский писал в начале XX в., что Церковь, уча о нетленности мощей, отнюдь не предлагала понимать их нетленность в смысле ненарушенности,

¹ Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп. Православный катехизис. М., 1990. С. 122.

сохранности тел². Тем не менее часть верующих воспринимала нетленность мощей именно в прямом смысле этого слова. Очевидно, что православное духовенство недостаточно разъясняло верующим массам смысл церковного почитания мощей святых. Эти обстоятельства стремились использовать организаторы антирелигиозной кампании, поскольку исходили из того, что осмотр содержимого рака выявит тленность останков святых и, тем самым, «разоблачит перед массами вековой обман церковниками трудового народа»³.

Внешним толчком для начала кампании по вскрытию святых мощей было известие, переданное советской и коммунистической печатью во все, даже отдаленные районы советской России о том, что 22 октября 1918 г. при приеме на учет богослужебного имущества Александра-Свирского монастыря Олонецкой губернии «в литой раке, весящей более 20 пудов серебра, вместо нетленных мощей Александра Свирского была обнаружена восковая кукла»⁴. Советская пресса умолчала о том, что мнения участников вскрытия разделились: настоятель монастыря архимандрит Евгений, расстрелянный через несколько дней после вскрытия ослепленными классово-ненавистью реквизиционерами, свидетельствовал, что видел в раке мощи святого, а представитель ВЧК А. Вагнер утверждал, что видел куклу. Важно отметить и то, что святые мощи были вскрыты против желания монахов и верующих⁵.

Первые официальные обследования мощей – 28 января 1919 г. были вскрыты раки святителей Тихона Задонского и Митрофания Воронежского – обнаружили останки святых в виде костей⁶. На этом основании официальная пропаганда продолжала обвинять священнослужителей в обмане верующих. Вопреки церковному учению о почитании святых мощей советская и партийная печать распространяла представление о том, что «для привлечения богомольцев духовенством была сфабрикована легенда не только о чудесной силе мощей, но и об их нетленности»⁷.

В чем же состояли подлинные причины той волны разоблачительства, которая захлестнула советские журналы и газеты, ки-

² См.: Голубинский Е.Е. О канонизации святых. М., 1903.

³ Семашко Н. Вопрос о «мощах» с научно-медицинской точки зрения // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 17.

⁴ Отчет VIII (ликвидационного) отдела Народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду Советов // Революция и церковь. 1920. № 9–10. С. 72.

⁵ См.: Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 75.

⁶ Горев М. Вскрытие мощей Тихона Задонского и Митрофания Воронежского // Революция и церковь. 1919. № 2. С. 11.

⁷ Там же. С. 10.

нущиеся наперебой освещать «обманы церкви»? Конец 1918 и 1919 год – это время начала попыток планомерного наступления на религию и Церковь со стороны партийных и государственных органов, в отличие от «кавалерийских атак» в 1917–1918 гг. Организующее значение для этого наступления имели решения и установки VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г. В принятой на съезде партийной программе по предложению П.А. Красикова, руководившего осуществлением религиозной политики советской власти, была поставлена задача по проведению на общегосударственном уровне мер, ведущих к «полному отмиранию религиозных предрассудков и церкви»⁸.

Еще с конца 1918 г. ряд большевистских идеологов (Н.И. Бухарин, Е.А. Преображенский) призывали в условиях разгоравшейся гражданской войны усилить наступление на «религиозное мракобесие» для скорейшей победы «над темнотой масс». Партийные теоретики считали, что религия будет сравнительно быстро «сдавать позиции», так как «существует лишь в головах и не имеет корней в сердцах, чувствах и образе жизни людей»⁹. Поэтому выдвигалась задача не только «разоблачить контрреволюционную сущность православной церкви», но и вызвать в народе недоверие к ее сакральной жизни: показать верующим лживость и обман церковного учения, канонов и богослужебной практики, а самих священнослужителей представить как лжецов, ловкачей и шарлатанов. С этой целью в массовом порядке проводились вечера «разоблачения православных чудес», лекции «о церковниках-обманщиках», где с помощью всякого рода химических опытов показывали, как «обновляется икона», почему «плачут святые» и т.д. Центральное место среди подобного рода разоблачительных мероприятий заняли вскрытия мощей в православных церквях и монастырях.

Идея вскрытия мощей особенно захватила руководителя VIII отдела Наркомюста П.А. Красикова, считавшего, что эту кампанию следует осуществить, не останавливаясь перед применением силы. С подачи П.А. Красикова этой темой заинтересовался В.И. Ленин. 17 марта 1919 г. на основании доклада руководителя VIII отдела НКЮ он написал народному комиссару юстиции Д.И. Курскому записку с предложением вскрыть при свидетелях мощи, хранившиеся в Чудовом монастыре Московского Кремля¹⁰.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С.49.

⁹ Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Самара, 1920. С. 165–166.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т.38. М., 1974. С. 522.

Кампания по вскрытию мощей преследовала не только пропагандистские цели. Антирелигиозники рассматривали святые мощи как «средство извлечения монастырями и храмами огромных доходов»¹¹. Поэтому «разоблачение мошеннических проделок церковников с мощами», по замыслу организаторов кампании, должно было привести к дальнейшему подрыву материального положения Церкви.

16 февраля 1919 г. коллегия Народного комиссариата юстиции приняла первое постановление об организованном вскрытии мощей, которое предусматривало «порядок их инспекции и конфискации государственными органами». Согласно этому постановлению само вскрытие, т.е. снятие с мощей церковных облачений и т.п., должны были производить священнослужители в обязательном присутствии представителей местных органов советской власти, ВЧК и медицинских экспертов. После оформления протокола вскрытия мощей, подписанного священнослужителями и медицинскими экспертами, к осмотру мощей рекомендовалось привлекать «самые широкие массы»¹². При самом же вскрытии «широкие массы» присутствовали в немногих случаях – в 8 из 54, по подсчетам В. Степанова (Русака)¹³.

В связи с предложением Тверского губернского исполкома установить график вскрытия мощей на местах коллегия НКЮ 16 февраля 1919 г. постановила «особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу местам»¹⁴. Местные же органы власти – уездные и губернные исполкомы – принимали решения о вскрытии мощей, нередко опираясь на ими же инспирированные «требования трудящихся, красноармейцев». По признанию журнала «Революция и церковь», в начале 1919 г. в Москве вскрытия мощей требовали «лишь единичные голоса рабочих, крестьян и красноармейцев». Редакция журнала призывала «каждое собрание рабочих, красноармейцев, сотрудников любого советского учреждения, каждую коммунистическую ячейку, любое профессиональное объединение вывить свое отношение к вскрытию мощей принятием соответствующих резолюций, засвидетельствованные копии которых необходимо направлять в президиум Московского Совета»¹⁵.

Следует подчеркнуть, что разгар проведения «мощейной эпопеи» – так кампания нередко называлась в документах НКЮ –

¹¹ О святых мощах: сборник материалов. М., 1961. С. 68–69.

¹² См.: Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 117.

¹³ См.: Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1. С. 127.

¹⁴ Хроника VIII отдела // Революция и церковь. 1919. № 1. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 51.

приходился на первые три месяца, следовавшие за постановлением Народного комиссариата юстиции от 16 февраля 1919 г. Так, в феврале 1919 г. было произведено 26 вскрытий мощей, в марте – 8, в апреле – 13, что в совокупности составляет почти три четверти от всех произведенных вскрытий. По признанию М.В. Галкина (М. Горева), курировавшего со стороны VIII отдела НКЮ «мощейную эпопею», «разоблачение мощей самых разнообразных святых... в первой половине 1919 г. приняло эпидемический характер»¹⁶. Всего же за весь период кампании – с 23 октября 1918 г. по 17 декабря 1920 г. – по нашим подсчетам, прошло 66 вскрытий святых мощей (осмотр мощей Серафима Саровского 17 декабря 1920 г. стал последним на основном этапе «мощейной эпопеи»)¹⁷.

В марте 1919 г. Синод направил в Совет Народных Комиссаров (далее – СНК) ходатайство «о прекращении освидетельствования мощей». «Православная Церковь, – подчеркивалось в этом письме, – одинаково чтит в качестве святых мощей как нетленные тела угодников Божиих, так и останки их в виде костей, не облеченных плотью... и не имеет никакого повода утверждать о нетлении тел угодников, от коих святые мощи сохранились лишь в виде не облеченных плотью костей. Об этом были сделаны неоднократные разъяснения православной церковной властью, в чем можно убедиться, например, из напечатанных в “Церковных Ведомостях” за 1909 г. (№ 25) акта освидетельствования костных останков преподобного Серафима Саровского при его прославлении и из других разъяснительных по сему предмету сообщений. Производимое ныне органами советской власти освидетельствование, будучи поэтому бесцельным по существу, вносит лишь в сердца верующих глубокое огорчение без всякого к тому повода и является актом противоречащим объявленной декретом советской власти свободе религиозной совести»¹⁸. Подобное разъяснение подлинно церковного почитания мощей сделал и патриарх Тихон в своем обращении к председателю СНК В.И. Ленину от 2 апреля (20 марта) 1919 г. в связи с все более набиравшей обороты кампанией по вскрытию останков святых¹⁹.

¹⁶ Горев М. Вскрытие мощей Тихона Задонского и Митрофания Воронежского // Там же. № 2. С. 11.

¹⁷ Паламарчук П. Сорок сороков. Т. 1. М., 1992. С. 118.; Курская правда. 1920. 10 декабря; Козлов В. Судьбы мощей русских святых // Отечество. Краеведческий альманах. 1991. Вып. 2. С. 154.

¹⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 185. Л. 2 об.

¹⁹ Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 159.

Однако никаких изменений в толковании властями церковного почитания мощей, а также в отношении к самой кампании по вскрытию останков святых эти обращения не вызвали. Советская печать стала пропагандировать, что в результате «разоблачения обманнных приемов, веками практикуемых духовенством», последнее изменило принцип почитания мощей – отказалось считать их обязательно нетленными.

29 июля 1920 г. Наркомюстом были разработаны предложения, предусматривавшие «планомерно и последовательно вести полную ликвидацию мощей на местах, избегая вредной нерешительности и половинчатости». «Ликвидацию названного культа мертвых тел» предполагалось осуществить «или путем помещения так называемых “мощей” в музеи в отделы церковной старины, или путем их захоронения»²⁰.

На следующий день на основании этих предложений Совнарком принял постановление «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». В этом документе была сформулирована пропагандистская цель «мощейной эпопеи» – «полностью ликвидировать варварский пережиток старины, каким является культ мертвых тел», т.е. речь шла уже о полном уничтожении почитания святых мощей среди православного населения советской России²¹.

Однако выполнить такую задачу оказалось невозможно. По мере развертывания кампании нарастал поток многочисленных жалоб верующих на оскорбление их религиозных чувств в центральные органы власти – СНК и ВЦИК, а на местах, в тех случаях, когда вскрытые раки оставляли в храмах и монастырях и доступ населения к ним был открыт, продолжалось почитание святых мощей: при большом стечении народа служились акафисты, молебны и т.п.²². Поэтому с лета 1920 г. основное внимание в кампании центральная власть обращала на необходимость конфискации у Церкви святых мощей. 25 августа народный комиссар юстиции Д.И. Курский подписал в связи с этим специальное постановление, в котором указывалось, что «ликвидация названного культа мертвых тел, кукол и т.п. осуществляется путем передачи их в музеи».

В некоторых инструкциях VIII отдел НКЮ декларативно призывал на местах установить организованный порядок вскрытий,

²⁰ Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. М., 1996. С. 60.

²¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 90.

²² См.: Горев М. Вскрытие мощей Тихона Задонского и Митрофания Воронежского // Революция и церковь. 1919. № 2. С.22.

гарантирующий соблюдение известного такта по отношению к религиозным чувствам сторонников православной религии: «...вскрытие производить отнюдь не во время богослужения», привлекать к участию в осмотре мощей самые широкие массы и т.д.²³. Однако в ходе кампании имели место многочисленные случаи насилия над духовенством, оскорблений религиозных чувств верующих и нарушений местными властями даже указаний, исходивших из центра. Факты злоупотреблений не мог скрыть эксперт VIII отдела НКЮ М.В. Галкин, который готовил для журнала «Революция и церковь» материалы с мест о вскрытии мощей. Этого бывшего петроградского священника Спасо-Колтовской церкви, выступавшего в печати с неистовыми богоборческими статьями под псевдонимом «М. Горев», никак нельзя заподозрить в сочувственном отношении к православному духовенству и верующим. По признанию М.В. Галкина, в городе Задонске Воронежской губернии духовенство согласилось на вскрытие мощей Тихона Задонского лишь под сильным нажимом – «категорическим предложением председателя чрезвычайкома», а осмотр проводился 28 января 1919 г. без предписанного центром медицинского освидетельствования²⁴. Часть духовенства, участвовавшего в осмотре мощей, была репрессирована²⁵.

В ответах на многочисленные жалобы и протесты с мест о «незаконмерных действиях советских работников при вскрытии мощей» VIII отдел НКЮ неизменно отрицал наличие каких-либо злоупотреблений.

Следует особо подчеркнуть, что верующие оказали поддержку обиженной и гонимой Церкви в мирных, вполне лояльных по отношению к политическому режиму формах. Антисоветских выступлений в связи с «мощейной эпопеей» не было. Как подчеркивалось в отчете VIII отдела НКЮ Всероссийскому съезду Советов, «осмотр мощей по городам советской России был произведен без каких-либо эксцессов и волнений на этой почве»²⁶. Несмотря на это, государственные органы власти в связи с результатами осмотра мощей провели над духовенством несколько судебных процессов, носивших откровенно антицерковный, пропагандистский характер²⁷.

Особое значение в развернувшейся кампании новая власть

²³ См.: О святых мощах. С. 53–54.

²⁴ См.: *Горев М.* Вскрытие мощей Тихона Задонского и Митрофана Воронежского // *Революция и церковь.* 1919. № 2. С. 12.

²⁵ *Крестный путь Церкви в России. 1917–1987.* Франкфурт-на-Майне, 1988.

²⁶ О святых мощах. С. 56.

²⁷ См. об этом подробно: *Кашевара А.Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013. С. 100–104.

Судьба мощей преп. Сергия Радонежского при советской власти

придавала вскрытию и конфискации мощей преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре, которые, будучи объектом благоговейного почитания православных верующих, привлекали многие тысячи паломников и являлись своеобразным символом той Святой Руси, исторической России, которую большевики стремились всячески дискредитировать и разрушить.

Примечательно, что 12 апреля 1919 г. во время заседания Совнаркома, получив от П.А. Красикова сообщение о том, что при вскрытии мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре в присутствии представителей населения была снята кинолента, В.И. Ленин написал следующее поручение секретарю: «Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино по всей России»²⁸. В.Д. Бонч-Бруевич, в тот период занимавший должность управляющего делами Совнаркома, вспоминал, что В.И. Ленин неоднократно говорил: «Показать, какие именно были “святости” в этой богатой раке и к чему так много веков с благоговением относился народ, этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч людей»²⁹. В связи с этим следует отметить, что согласно протоколу вскрытия мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре 11 апреля 1919 г. в раке находились костные останки 500-летней давности³⁰. В «сводке вскрытий “мощей”, произведенных по почину трудящихся в пределах советской России в 1918, 1919 и 1920 гг.», составленной М.В. Галкиным (М. Горев) и опубликованной в журнале «Революция и церковь», сообщалось о наличии в раке «изъеденных молью тряпок, ваты... массы мертвой моли, бабочек, личинок»³¹. Неудивительно, что официальная печать на основании таких «актов» писала о том, что «в ковчежце лишь гниль да труха»³². Таким образом, достоверность результатов осмотра рак в 1918–1920 гг., о которых в то время писала советская и коммунистическая пресса, требует специального исследования.

Частью пропагандистской кампании, сопровождавшей вскрытие мощей преподобного Сергия, явился хулигански-разнузданный опус М.В. Галкина (М. Горева) «Троицкая лавра и Сергей Радонежский», помещенный сначала в журнале «Революция и цер-

²⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1975. С. 279.

²⁹ Воспоминания о Ленине: Сб. М., 1955. С. 122.

³⁰ См.: О святых мощах. С. 75.

³¹ Революция и церковь. 1920. № 9–12. С. 77.

³² Подробнее об этом см.: *Поспеловский Д.* Лекции по истории Русской Православной Церкви, читанные в мае 1990 г. в Ленинградской духовной академии. Машинопись. С. 103.

ковь», а затем выпущенный отдельным изданием³³. В этом пасквиле очернялись прошлое Троице-Сергиева монастыря и его основатель.

8 августа 1919 г. за № 958 VIII отдел НКЮ издал секретное предписание властям Сергиева Посада «принять меры по увозу мощей Сергия Радонежского из лавры для помещения их в одном из московских музеев»³⁴. После этого пленарное заседание местного исполкома приняло соответствующее решение о судьбе мощей преподобного Сергия³⁵. Для подачи протеста против такого решения в центральные органы власти в Москву трижды – 25 (12) ноября, 2 декабря (19 ноября) и 10 декабря (27 ноября) 1919 г. – приезжала «особая делегация от церковных общин Сергиева Посада» во главе с профессором Московской духовной академии, членом Поместного Собора 1917–1918 гг. И.В. Поповым. Делегация в своем протесте ссылалась на следующие положения циркуляра НКЮ за № 26 (577), опубликованного 5 февраля 1919 г. в газете «Известия»: «в §2 и 6... рекомендуется всем агентам власти 1) не оскорблять религиозного чувства верующих всех без различия вероисповеданий, 2) не допускать ничего подобного издевательствам; ...согласно § 15-му не вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви...; по 2-му § того же циркуляра все предметы культа надлежит передавать группе граждан, а мощи... именно и представляют собой необходимый предмет богослужебного культа»³⁶.

При личной встрече 25 (12) ноября И.В. Попова с председателем ВЦИК М.И. Калининым и управляющим делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичем оба советских руководителя намерение Сергиево-Посадских властей увезти мощи Сергия в Москву расценили как «невозможное для светской власти вмешательство во внутреннюю жизнь церкви» и обещали «с своей стороны принять меры к тому, чтобы означенное намерение не осуществлено было местной властью»³⁷. Однако, явившись 2 декабря (19 ноября) в Совнарком «для осведомления о результатах поданного от православных церковных общин Сергиева Посада протеста», Попов узнал от секретаря В. Д. Бонч-Бруевича Федюкина, что их протест вместо СНК направлен на заключение того же VIII отдела Комиссариата юстиции,

³³ См.: Революция и церковь. 1919. № 3–5. С. 17–28; № 6–8. С. 24–50; Горев М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский: Опыт историко-критического исследования. М., 1920.

³⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 93 об.

³⁵ Волков С. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). М.; СПб., 1995. С. 220–221.

³⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 95.

³⁷ Там же. Л. 70–70 об.

Судьба мощей преп. Сергия Радонежского при советской власти

от которого и исходила инициатива всех распоряжений и действий Сергиево-Посадского исполкома, и что «дело будет оставлено без последствий». На возражение И. В. Попова секретарь В.Д. Бонч-Бруевича ответил, что «все равно и СНК направил бы это дело на заключение VIII отдела, а не решил бы его (как вообще не решает и никаких дел) без сношения с VIII отделом»³⁸.

4 декабря (21 ноября) И.В. Попов через секретаршу председателя ВЦИК получил следующее отношение М. И. Калинина на имя наркома юстиции Д.И. Курского: «От православных общин Троице-Сергиевого Посада поступило ходатайство об оставлении мощей в храме, где они находятся... Необходимо основательное ознакомление с делом; принимая во внимание религиозные чувства, мне кажется, нет оснований без серьезных причин вносить раздражение в массы населения»³⁹. В тот же день И. В. Попову удалось встретиться с наркомом юстиции Д.И. Курским. По свидетельству Попова, «прочитав бумагу, Курский довольно раздраженно заявил, что он в это дело вмешиваться не станет, так как не имеет якобы для этого свободного времени, и рекомендовал подать соответственное заявление прямо в СНК». На возражение Попова, что из СНК все равно дело, пожалуй, будет передано в VIII отдел Комиссариата юстиции, Курский заявил, что «этого быть не может, так как в протесте именно и обжалованы будут распоряжения этого VIII отдела: пускай же и судит эти распоряжения высшая центральная власть»⁴⁰.

10 декабря (17 ноября) 1919 г. руководитель VIII отдела НКЮ П.А. Красиков заявил Попову, что «из центра совсем не давали посадской власти указаний относительно увоза мощей, что последнее исключительно инициатива местного исполкома». Однако Попову со ссылкой на журнал исходящих бумаг ликвидационного отдела, в котором от 8 августа за № 958 за подписью самого руководителя этого отдела было зарегистрировано отношение в Сергиево-Посадский исполком с предложением вывезти мощи и ликвидировать лавру, удалось опровергнуть отмеченное выше заявление П.А. Красикова⁴¹. После этого Попову удалось добиться от П.А. Красикова и И.А. Шпицберга устных заверений, что «мощи вывезены... из лавры не будут»⁴².

Писем, телеграмм, устных обращений граждан в СНК и ВЦИК – помимо делегации И.В. Попова – против передачи мощей

³⁸ Там же. Л. 93.

³⁹ Там же. Л. 94 об.

⁴⁰ Там же. Д. 25. Л. 9 об.

⁴¹ Там же. Л. 106 об.

⁴² Там же. Л. 107 об.

преподобного Сергия в Московский музей было так много, что власти проявили несвойственную им нерешительность. По сведениям ряда исследователей, Совнарком принял окончательное решение о конфискации у Церкви мощей Сергия лишь 2 сентября 1920 г. после долгих колебаний между двумя противоположными решениями об останках преподобного: оставить их Церкви или поместить в музей⁴³. Примечательно, что к тому времени богослужения в лаврских храмах (с 31 мая 1920 г.) уже были прекращены⁴⁴. По воспоминанию С. Волкова, над мощами, оставленными пребывать в стенах уже бывшей обители, превращенной в музей, была положена крышка из толстого зеркального стекла, скрепленная с ракой сургучными печатями Наркомюста⁴⁵.

«Мощейная эпопея» явилась поводом, как в то время писала официальная печать, для «полной ликвидации очагов культа мумифицированных тел». В большинстве случаев вскрытие мощей сопровождалось закрытием тех монастырей, где они покоились – «в целях искоренения этого варварского пережитка». Журнал «Революция и церковь» регулярно публиковал сводки о закрываемых «черных гнездах», т.е. православных монастырях⁴⁶. Всего же в результате проведенной согласно декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» национализации церковного и монастырского имущества, а также кампании по вскрытию мощей уже к концу 1920 г. были ликвидированы 673 монастыря, т.е. более половины из существовавших в России к началу 1918 г. 1103 обителей⁴⁷.

Осенью 1919 г. пленарное заседание исполкома Сергиева Посада приняло решение «о полной ликвидации Троице-Сергиевой лавры как монастыря». Во исполнение этого решения в ночь на 2 ноября (21 октября) 1919 г. иноки лавры были выселены из их келий в гостиницу Черниговского скита⁴⁸. В ходе этой акции было «отобрано сумм лаврских в количестве 39 000 руб.», а также у некоторых монахов реквизировано «лично им принадлежащее имущество»⁴⁹.

⁴³ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. С. 80–82, 88–91; Козлов В. У истоков трагедии русской святости // Московский церковный вестник. 1991. № 7. С. 8.

⁴⁴ Волков С. Последние у Троицы. С. 221.

⁴⁵ Там же. С. 219.

⁴⁶ См., напр.: Ликвидация «черных гнезд» // Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 122; Ликвидация «черных гнезд» продолжается // Там же. 1920. № 9–12. С. 105–106.

⁴⁷ См.: Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России. М., 1975; Крестный путь Церкви в России. 1917–1987.

⁴⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 70.

⁴⁹ Там же. Л. 95 об.

Отстоять лавру от окончательного закрытия пыталась все та же «особая делегация от церковных общин Сергиева Посада» во главе с профессором Московской духовной академии И.В. Поповым, которому в связи с этим удалось лично передать протесты верующих управляющему делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичу, председателю ВЦИК М.И. Калинину и главе ликвидационного отдела НКЮ П.А. Красикову⁵⁰.

12 декабря (29 ноября) патриарх, Синод и Высший Церковный Совет на совместном заседании заслушали доклад члена ВЦС протопресвитера Н.А. Любимова «по делу Троицкой Сергиевой лавры», содержащий подробное описание встречи И.В. Попова, состоявшейся 10 декабря (17 ноября) с представителями VIII отдела П.А. Красиковым и И.А. Шпицбергом. «Вопрос о ликвидации лавры как монастыря, – по словам П.А. Красикова, – решен местной властью правильно, так как пребывание монахов в лавре как нетрудящегося праздного населения невозможно: помещения нужны для культурно-просветительных целей». На заявление Попова, что «религиозные общины могут озаботиться преобразованием лавры в трудовую коммуну оба собеседника ответили, что это едва ли приемлемо... Если это и допустимо теперь по отношению к некоторым монастырям, то только в виде исключения или по снисхождению, то это все-таки, с их точки зрения, явление ненормально. Советская власть, допустивши преобразование некоторых женских монастырей в трудовые общины и поселив в таковых монастырях школы, должна была раскаяться в этом, так как оказалось, что монахини дурно влияли на детей, прививая им религиозные навыки, а между тем воспитание должно быть безрелигиозным»⁵¹. Общее впечатление, какое вынес И.В. Попов из этой беседы с представителями VIII отдела НКЮ, заключалось в том, что полное восстановление лавры как монастыря – «это дело почти безнадежное при современной Советской власти»⁵².

Прекращение властями доступа к мощам наиболее почитаемых русских святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского – и конфискация их «для последующей передачи в музей» взволновала тысячи верующих. Большинство обращений духовенства и мирян в центральные органы власти – ВЦИК и СНК – в связи с кампанией по вскрытию мощей передавались из этих инстанций «на распоряжение VIII отдела НКЮ, ведающего

⁵⁰ Там же. Л. 70–70 об.

⁵¹ Там же. Д. 25. Л. 107.

⁵² Там же. Л. 107 об.

делами по отделению церкви от государства». Отвечая на их многочисленные просьбы сделать «общее распоряжение о возможности оставления святых мощей» в храмах и монастырях, VIII отдел по существу отождествлял религиозное почитание останков святых с шарлатанством, фокусничеством, фальсификацией, которые якобы «имеются налицо, согласно многим фактам вскрытия». «VIII отдел полагает, – указывалось в его разъяснении за № 1019 от 16 сентября 1919 г., – что в XX столетии в советской Республике трупы или останки трупов, или имитация трупов не могут частным лицам в целях укрепления или эксплуатации религиозных верований быть предоставлены в их свободное распоряжение, а тем более для извлечения из сего доходов теми или иными религиозными организациями. Помещение в музей мощей является именно самым безобидным способом ликвидации эксплуатации народных предрассудков»⁵³. Выступая против церковного почитания святых мощей, отдел обвинил духовенство... «в отступлении от догматов православной религии и соборных постановлений» и утверждал, что «нельзя усмотреть ни одного сколько-нибудь авторитетного с точки зрения официальной православной религии указания, что церковью подобные предметы [мощи. – А. К.] предписывает считать предметами, предназначенными для богослужебных целей»⁵⁴. Таким образом, VIII отдел, вопреки декрету от 23 января 1918 г., фактически присвоил себе право истолковывать вероучение и каноны Православной Церкви.

Это обстоятельство позволяет лучше уяснить позицию патриарха Тихона, который в письме к председателю ВЦИК М.И. Калинину от 9 августа 1920 г. оценил кампанию по вскрытию мощей как неприкрытое вмешательство государства во внутренние дела Церкви, непосредственно относящиеся к области культа. «Мощи, канонизация, восковые свечи – все это предметы культа... При таких условиях гонения на мощи являются актом, явно незаконным с точки зрения советского законодательства», – писал патриарх Тихон. На письме патриарха осталась короткая резолюция: «Оставить без последствий»⁵⁵.

Дальнейшая судьба останков русских святых, оказавшихся в

⁵³ Хроника VIII отдела. Мощи // Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 110–111. – В циркуляре от 24 августа 1919 г. VIII отдел прямо указывал, что «не считает нарушением свободы совести в рабоче-крестьянской Республике» борьбу с церковным почитанием мощей (Там же. С. 111).

⁵⁴ Хроника VIII отдела. Мощи // Революция и церковь. 1919. № 6–8. С. 111.

⁵⁵ *Вострышев М.* Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, патриарха Московского и всея России. М., 1990. С. 83, 84.

распоряжении богоборческой власти, сложилась таким образом, что некоторые из них (мощи святителя Иоасафа Белгородского, Серафима Саровского, виленских угодников Антония, Иоанна и Евстафия, епископа Иннокентия Красноярского и др.) были помещены на «показательной выставке по социальной медицине», открывшейся в 1920 г. в Москве в музее Народного комиссариата здравоохранения (Петровка, 14). Основная цель выставки, по мнению наркома здравоохранения Н.Семашко, – «способствовать прекращению религиозных обрядов, поклонению «святым мощам»⁵⁶.

Следует признать, что результаты обследования останков православных святых разочаровали тех, кто ожидал чуда или обаятельно нетленных мощей. Развернутая пропагандистская кампания, в ходе которой утверждалось, что церковники обманывали верующих, говоря о нетленности мощей, способствовала росту антиклерикальных настроений среди той части населения, которая уже порвала с религией или относилась к ней индифферентно.

Однако ожидаемых властью результатов в преодолении «религиозных предрассудков» и «полном развенчании церковников» «мощейная эпопея» не дала. Во-первых, в секретном циркуляре VIII отдела Наркомюста от 1 апреля 1921 г. «всем губисполкомам и губкомпартам» фактически признавались крупные просчеты при проведении кампании. В этом документе особо подчеркивалось, что «местные партийные и советские органы недостаточно вдумчиво относились к учету местных конкретных условий... и обращали слишком слабое внимание (а кое-где вовсе не обращали) на то, чтобы предпослать операции широкую агитацию и пропаганду так, чтобы смысл советского мероприятия был понятен широким трудовым массам». Конкретные неудачи при проведении кампании особенно впечатляюще заметны в контексте тех рекомендаций, которые VIII отдел адресовал всем губернским органам советской и партийной власти: «1. Не производить ликвидацию мощей в таких условиях, когда получается впечатление, что орган местной власти, совершенно не поддерживаемый сколько-нибудь значительной частью трудящихся и при полном несочувствии всего населения, а только опираясь на силу своего служебного положения, производит эту операцию как бы повинуюсь лишь предписанию из центра. В результате такого способа действий нередко, как показал опыт, получается самая недопустимая растерянность и непоследовательность местных органов... 2. Часто наблюдается, что органы власти, без подготовки и твердо продуманного плана приступившие к ликви-

⁵⁶ Там же.

дании и встретившие неожиданное для них сопротивление и агитацию церковников, кулаков, обывателей, малодушно пасуют и не доводят до конца предпринятой операции. В результате таких непродуманных действий оказывается: мощи разворочены, лежат там же, где и были, т. е. в церкви (из которой вывезти Советы не решаются), раздражая своим видом страсти обывателей, и являются явным доказательством бессилия и близорукости местных органов... 3. Часть местных работников, как это ни странно, повергает в нерешительность открытие при исследовании так называемых мощей наличности мумифицированного и не совсем сгнившего трупа, это показывает, насколько предпринятые действия происходят неподготовленно, непланово и без знания дела...»⁵⁷. Примечательно, что в заключение циркуляра ликвидационный отдел НКЮ предложил местным органам власти, учитывая их очевидную неподготовленность, «раньше операции ставить его [VIII отдел – А. К.] в известность о приступе к таковой с информированием о всех конкретных обстоятельствах и о плане действий»⁵⁸.

Во-вторых, верующие в своей массе не отказались от почитания останков святых. «Вскрытием мощей преподобного Сергия, – писал патриарх в послании от 10 сентября (28 августа) 1920 г. в связи с закрытием гражданскими властями Свято-Троицкой Сергиевой лавры, – думали достигнуть того, что народ перестанет стекаться в лавру и потеряет доверие к своим духовным руководителям. Расчеты, однако, оказались ошибочными. Конечно, при вскрытии не было обнаружено никаких подделок, а были найдены останки преподобного, которые всеми верующими благоговейно почитаются как его св. мощи. Но, как и следовало ожидать, оскорбление мощей преп. Сергия вызвало великий религиозный порыв, выразившийся в усиленном паломничестве к его цельбоносной раке»⁵⁹. С. Волков вспоминал, что после вскрытия доступ к мощам преподобного Сергия был открыт, и к раке снова потянулась бесконечная вереница людей. Многие из верующих, прикладываясь, закрывали глаза, чтобы, как объясняли мне потом, «не оскорблять своими грешными взглядами наготу преподобного»⁶⁰. По свидетельствам антирелигиозников, «верующие приходили демонстративно, и поклонялись “святым мощам”, находившимся на выставке «мумифицированных трупов Наркомздрава».⁶¹

⁵⁷ Русская православная церковь и коммунистическое государство. С. 61-62.

⁵⁸ Там же. С.62.

⁵⁹ Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. С. 167–168.

⁶⁰ Волков С. Последние у Троицы. С. 216.

⁶¹ Семашко Н. Наука и шарлатанство // Революция и церковь. 1922. №1-3. С. 31.

Голод в Поволжье и насильственное изъятие церковных ценностей окончательно отодвинули на задний план религиозной политики Советской власти первую и, как представлялось коммунистическим лидерам, успешную кампанию против религии и Православной Церкви. Произведенные в новых условиях немногочисленные отдельные вскрытия мощей уже не сопровождались такой пропагандистской кампанией, как раньше⁶².

Многие приемы проведения «мощейной эпопеи» – вмешательство государственных органов во внутреннюю, сакральную жизнь Церкви, измышления и клевета на нее в антирелигиозной пропаганде и агитации, насилия над духовенством и сфабрикованные судебные процессы над его представителями – были широко использованы советской властью позднее, в ходе грандиозной по размаху и последствиям антирелигиозной кампании по изъятию церковных ценностей в связи с голодом в Поволжье. Таким образом, вскрытие мощей, начавшееся с осени 1918 г., можно рассматривать как своеобразный пролог кампании 1922 г., имевший целью, терроризировав Церковь, сломить в первую очередь ее духовное сопротивление и, расколов, подорвать влияние на народ.

В 1920–1930-е гг. конфискованные богоборческой властью святые мощи передавались в музеи Москвы и Ленинграда, местные антирелигиозные и краеведческие музеи. Особенно такие передачи мощей умножились с конца 1920-х гг. в связи с новым наступлением на религию и Церковь, в ходе которого были закрыты многие храмы и все православные монастыри на территории СССР⁶³.

С. Волков, оставивший воспоминания о Московской духовной академии 1917–1920 гг., писал, что во время Великой Отечественной войны мощи преподобного Сергия Радонежского с ракой и с другими художественными ценностями лавры были эвакуированы в Сибирь, а потом возвращены назад⁶⁴.

По уточненным сведениям О.И. Зарицкой, в начале сентября 1941 г. в Соликамск Пермского края вывезли раку и сень преподобного Сергия вместе с собранием лаврской ризницы, которое

⁶² В мае 1922 года в г. Полоцке были вскрыты мощи православной святой Ефросинии, а в июне того же года — католического святого Андрея Боболя; в октябре 1922 года были обследованы останки митрополита Иоанна Тобольского; в феврале 1924 года в Муромском уезде Рязанской губернии были вскрыты мощи Ульянии Лазаревской и т. д. (Козлов В. Судьбы мощей русских святых. С. 157; О святых мощах. С. 81–90, 91–93).

⁶³ См. об этом подробно: *Кашеваров А.Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. С. 111–113.

⁶⁴ *Волков С.* Последние у Троицы. С. 219.

хранилось в музее, иконы иконостаса Троицкого собора. В 1944 г. их вернули обратно. Однако мощи преподобного не вывозились⁶⁵.

В короткий период потепления государственно-церковных отношений во второй половине 1940-х годов Церкви были возвращены мощи десяти святых⁶⁶. Первыми среди них были мощи преподобного Сергия Радонежского. Впервые этот важный вопрос был затронут патриархом Алексием I в 1945 г. в контексте возвращения Троице-Сергиевой лавры в ведение Московской Патриархии. 15 августа 1945 г. он направил в Совет по делам Русской Православной Церкви обстоятельное письмо, обосновывающее необходимость открытия этого духовного центра. В заключение этого обращения патриарх писал следующее: «Имею дерзновенную мысль просить Совет ходатайствовать пред Правительством о передаче в ведение Московской Патриархии всероссийской святыни – мощей преподобного Сергия, находящихся в настоящее время в своей прежней раке в Троицком соборе, где будут еще довольно долго продолжаться работы ввиду предполагаемой очистки стен от новейшей живописи.

Если бы Правительство нашло возможным удовлетворить мою просьбу, зажглась бы лампада у раки Преподобного Сергия, то одно это обстоятельство могло бы свидетельствовать пред всем миром, интересующимся церковной жизнью в нашем Союзе, о положении в ней Православной Церкви. А с другой стороны, все верующие оценили бы этот акт как самое яркое выражение того отношения к Церкви, какое имеет наше Советской правительство»⁶⁷.

На основании этого письма Алексия I 21 августа 1945 г. председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карповым была послана докладная записка в Совнарком с ходатайством о передаче в распоряжение Московской Патриархии одного из главных корпусов Троице-Сергиевой лавры, об открытии Успенского собора, о передаче мощей Сергия Радонежского Патриархии и перенесении их из Троицкого собора в Успенский собор. На докладной записке была поставлена резолюция: «Тов. Карпову. Возражений нет. В.Молотов. 22/VIII». О результатах рассмотрения просьбы Г.Г. Карпов сообщил патриарху в письме 4 сентября 1945 г.

⁶⁵ Зарицкая О.И. Спасение лаврских ценностей во время Великой Отечественной войны 1812 года // Церковь и общество в России на переломных этапах. М., 2014. С. 253.

⁶⁶ Кашевара А.Н. Советская власть и судьбы мощей православных святых. С. 147.

⁶⁷ Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР / Под ред. Н.А. Кривовой. 1945–1970 гг. Т. 1. 1945–1953 гг. М., 2009. С. 68–69.

Примечательно, что оно было зачитано на состоявшемся в тот же день заседании Священного Синода⁶⁸.

В январе 1945 г. в связи с ожидавшимся приездом английской делегации на Поместный Собор Русской Православной Церкви и посещением еще не открытой Троице-Сергиевой лавры схиархимандриту Илариону было поручено «облачить в схимническое одеяние мощи преподобного Сергия, которые поставили на свое место в Троицком соборе. До этого рака с мощами находилась посреди Никоновской церкви в качестве экспоната и ее обходили кругом, глядя через стекло на непокрытые косточки»⁶⁹. Вероятно, Алексей I еще будучи местоблюстителем патриаршего престола, знал, что глава Сергия Радонежского, которую в марте 1920 г. эксперт комиссии по распределению имущества и помещений лавры священник П. Флоренский и граф Ю.А. Олсуфьев, опасавшиеся вывоза в один из московских музеев и последующего уничтожения мощей преподобного, незаметно изъяли и заменили другим схожим черепом, находится у схиархимандрита Илариона (Удодова). Именно его в январе 1945 г. Алексей I послал осмотреть мощи, чтобы, как только откроется лавра, быть готовым возратить главу.

На Пасху 1946 г. в Успенском соборе лавры совершилось первое богослужение⁷⁰. Накануне, в Великую субботу, т.е. 20 апреля состоялась передача братии монастыря мощей Сергия Радонежского, считавшихся в советское время экспонатом музея, расположенного в стенах обители. В семь часов вечера из Троицкого собора в Успенский собор в закрытой серебряной раке принесли мощи Сергия. Раку поставили на деревянный помост у правой стены Успенского собора. Непосредственно перед перенесением мощей схиархимандрит Иларион вернул главу Сергия к его мощам⁷¹.

29 апреля 1946 г. патриарх обратился с благодарственным письмом к Г.Г. Карпову «как непосредственному ходатаю перед высшим Правительством об открытии Лавры и предоставлении верующему народу счастья молиться у мощей Преподобного Сергия»⁷². При этом Алексей I особо подчеркивал, что разрешение было получено непосредственно от И.В. Сталина. Таким образом, в деле возвращения мощей (также как и в случаях иных уступок со

⁶⁸ Там же. С. 69.

⁶⁹ Боскин С., *протод.* Пасха 1946 г.: открытие Лавры Преподобного Сергия // Троицкое слово. 1990. № 4. С. 26.

⁷⁰ Цытин В., *прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 338–339.

⁷¹ Судьба главы Преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4. С. 33.

⁷² Письма патриарха Алексия I. Т. 1. С. 149.

стороны государства), важным фактором было личное благоволение «вождя всех времен и народов». В другом письме Г.Г. Карпову от 28 июня 1946 г. патриарх отмечал, что в лавру для участия в торжественных богослужениях и для поклонения ее святыням и, прежде всего, мощам преподобного Сергия притекают многочисленные паломники⁷³.

Источники и литература:

1. Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994.
2. Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп. Православный катехизис. М., 1990.
3. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
4. Боскин С., протод. Пасха 1946 г.: открытие Лавры Преподобного Сергия // Троицкое слово. 1990. № 4.
5. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Самара, 1920.
6. Волков С. Последние у Троицы. Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). М.; СПб., 1995.
7. Воспоминания о Ленине: Сб. М., 1955.
8. Вострышев М. Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, патриарха Московского и всея России. М., 1990.
9. Голубинский Е.Е. О канонизации святых. М., 1903.
10. Горев М. Вскрытие мощей Тихона Задонского и Митрофания Воронежского // Революция и церковь. 1919. № 2.
11. Горев М. Троицкая лавра и Сергий Радонежский: Опыт историко-критического исследования. М., 1920.
12. Зарицкая О.И. Спасение лаврских ценностей во время Великой Отечественной войны 1812 года // Церковь и общество в России на переломных этапах. М., 2014.
13. Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в советской России. М., 1975.
14. Кашевара А.Н. Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013.
15. Козлов В. Судьбы мощей русских святых // Отечество. Краеведческий альманах. 1991. Вып. 2.
16. Козлов В. У истоков трагедии русской святости // Московский церковный вестник. 1991. № 7.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2.

⁷³ Там же. С. 166–167.

18. Крестный путь Церкви в России. 1917-1987. Франкфурт-на-Майне, 1988.
19. Курская правда. 1920. 10 декабря
20. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1974.
21. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1975.
22. Ликвидация «черных гнезд» // Революция и церковь. 1919. №6-8.
23. Ликвидация «черных гнезд» продолжается // Революция и церковь. 1920. № 9-12.
24. О святых мощах: сборник материалов. М., 1961.
25. Отчет VIII (ликвидационного) отдела Народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду Советов // Революция и церковь. 1920. № 9-10.
26. Паламарчук П. Сорок сороков. Т. 1. М., 1992.
27. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР / Под ред. Н.А. Кривовой. 1945-1970 гг. Т. 1. 1945-1953 гг. М., 2009.
28. Поспеловский Д. Лекции по истории Русской Православной Церкви, читанные в мае 1990 г. в Ленинградской духовной академии. Машинопись.
29. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 185.
30. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25.
31. Революция и церковь. 1919. № 3-5.
32. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. М., 1996.
33. Семашко Н. Вопрос о «мощах» с научно-медицинской точки зрения // Революция и церковь. 1919. № 1.
34. Семашко Н. Наука и шарлатанство // Революция и церковь. 1922. №1-3.
35. Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1.
36. Судьба главы Преподобного Сергия // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 4.
37. Хроника VIII отдела // Революция и церковь. 1919. № 1.
38. Хроника VIII отдела. Мощи // Революция и церковь. 1919. № 6-8.
39. Цытин В., прот. История Русской Церкви. 1917-1997. М., 1997.